

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Авторы: Л. Н. Мурзин

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ (лингвистический психологизм) в языкознании, совокупность течений, школ и отдельных концепций, рассматривающих язык как феномен психологич. состояния и деятельности человека или народа. В разные периоды истории лингвистики представители П. н. по-разному трактовали исходные понятия, предмет и задачи исследования. Существенно изменялась система взглядов на психологич. природу языка. Поэтому можно говорить о ряде психологич. направлений, школ и концепций, объединённых характерными чертами: 1) общей оппозицией логическим (см. [Логическое направление](#)) и формальным школам в языкознании; 2) ориентацией на [психологию](#) как методологич. базу; 3) стремлением исследовать язык в его реальном функционировании и употреблении.

П. н. возникло в недрах [сравнительно-исторического языкознания](#) в 1850-х гг. под влиянием философии языка К. В. фон Гумбольдта (см. [Гумбольдтианство](#)) как реакция на господствовавшие логич. воззрения на сущность языка. Его основатель – Х. [Штейнталь](#). Крупнейший представитель в России – А. А. [Потебня](#) (см. [Харьковская лингвистическая школа](#)). Уже в первый период своего развития П. н. отмежеввалось от предшествовавшей логич. школы: категории грамматики и логики столь же слабо соотнесены друг с другом, как понятия «круг» и «красное»; логика общечеловечна и не может вскрыть специфики языка данного народа (Штейнталь); логика – наука гипотетическая, тогда как языкознание – генетическая, т. е. исследующая «процесс оказывания», которым логика не интересуется; «логика настолько формальная наука, что сравнительно с ней формальность языкознания вещественна» (Потебня). Логике как методологич. основе предшествующего языкознания противопоставлялась психология. Следуя Гумбольдту, Штейнталь видел в языке выражение «духа народа» – нар. психологии, тем самым подчёркивалась социальная природа языка. Однако созданная к тому времени психологич. наука (И. Ф. Герbart, Германия) была индивидуалистической. С целью создать социальную психологию («этнопсихологию») Штейнталь и М. Лацарус основали ж. «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft» (1860). Однако они руководствовались идеалистическими и наивными представлениями об «этнопсихологии» как проявлении «симпатии» между людьми. В нач. 20 в. В. [Вундт](#) предпринял ещё одну попытку создать науку о психологии народа как методологич. основе языкознания (этнопсихологию), но она не состоялась. Вместе с тем стремление опереться на социальную психологию способствовало широкому взгляду на язык, пробуждению интереса к фольклору, мифологии, обычаям народа, выраженным в пословицах, поговорках, загадках и др. речевых формах, воплощающих нар. мудрость.

Оставаясь верным осн. постулату К. В. фон Гумбольдта, П. н. рассматривало язык как явление историческое и динамическое, вечно развивающееся, что согласуется с назначением сравнит.-историч. метода. Стремясь перенести психологич. понятия и термины ассоциативной психологии на язык, представители П. н. проявили внимание к [речевым актам](#) живого языка, к внутр. стороне языка, к значению слова и предложения. Наблюдения над живой речью, по их мнению, позволяют понять сущность и происхождение языка, ибо в речевых процессах мы обнаруживаем «постоянное повторение первого акта создания языка» (А. А. Потебня). Подходя к языку со

стороны психологии говорящих, П. н. подчёркивало теснейшую связь языка и мышления. Х. Штейнталь утверждал, что язык есть мышление. Но в отличие от предметного мышления, оперирующего представлениями, языковое мышление опирается на внутр. форму языка, т. е. на представления представлений (Штейнталь) или знак – отношение значения слова к значению предшествующего слова (Потебня).

Представители П. н. применяли понятие «внутренняя форма» к истории языка. Х. Штейнталь полагал, что в доисторич. период языки обладали богатейшей внутр. формой, а в историч. период они её постепенно утрачивают. Для представителей П. н. внутр. форма есть следствие процессов образования слова. Процессам образования единиц языка они уделяли большое внимание. Пытаясь психологически объяснить эти процессы, они говорили о таких законах психологии, как ассимиляция, ассоциация, апперцепция и др. Отсюда их интерес к синтаксису. Так, формирование частей речи рассматривалось на основе выделения членов предложения. В отличие от сторонников логич. школы, которые видели в предложении результат объединения двух (или нескольких) понятий, основатели П. н. усматривали в нём выражение расчленения общего представления на его составные части (В. Вундт) с последующим их синтезом (А. А. Потебня). В П. н. впервые было обращено внимание на важность мысли В. фон Гумбольдта о необходимости привлечения связного текста в лингвистич. исследования.

По ряду существенных вопросов рус. школа П. н. расходилась с немецкой. Так, А. А. Потебня подчёркивал специфич. качества грамматики, её формальные свойства. Х. Штейнталь и В. Вундт больше внимания обращали на психологич. сторону, стремясь обнаружить, скорее, язык в психологии, чем психологию в языке. Основатели П. н. преувеличивали роль психологич. фактора в развитии языка, нередко отождествляли психологич. и грамматиц. категории. Осознание слабых сторон П. н. этого периода привело в 1870-е гг. к формированию младограмматизма, разделявшего идеи о психологич. природе языка, исследовавшего живые языки, но отвергавшего этнопсихологию как науч. фикцию, считавшего единственной реальностью, данной лингвисту, индивидуальный язык. Поэтому младограмматики (лейпцигская школа) призывали изучать не абстрактный язык, а говорящего человека. Единственной методологич. основой языкознания признавалась индивидуальная психология, но сущность языка младограмматики не растворяли в психологии, видя его физич. или физиологич. сторону, на которую они опирались в своём учении о фонетич. законах. Идеи психологизма частично разделяли представители казанской лингвистической школы, но их не удовлетворяла односторонняя ориентация на индивидуальную психологию. Они по-разному стремились подчеркнуть социальную сущность психологии говорящих.

В 1-й пол. 20 в. на смену лингвистич. психологизму пришли социологические и формальные направления, в первую очередь структурная лингвистика, сосредоточившая внимание на статич. аспектах и синхронном срезе языка. Однако традиции психологич. подхода к языку не были утрачены: под влиянием новых идей как в психологии и философии, так и в языкознании в разных странах возникли отд. концепции, ориентированные на психологич. принципы анализа языка. Так, в нач. 20 в. А. Марти (Германия) создал основанную на психологич. началах теорию универсальной грамматики. Возможность создания такой грамматики он видел в том, что все языки выражают одно и то же психологич. содержание и построены на единых основаниях, т. к. все люди, независимо от языка, на котором они говорят, обладают общей психофизич. организацией. По мнению Марти, осн. задача лингвистики заключается в точном анализе и описании психич. функций и их содержания, получающих выражение в универсальных языковых средствах. Предложенное им разграничение автосемантии

(самодостаточности компонентов языка) и синсемантии (семантической их недостаточности) с последующей детализацией и привязкой к частям речи и др. единицам не утратило своего значения доныне.

В 1930–40-х гг. появилась эгоцентрич. концепция поля К. Л. [Бюлера](#). Выступая против «заношенного реквизита» традиц. формальной грамматики, он предложил обратиться к некоторым понятиям современной ему психологии – к понятиям «поле» и «ситуация». Он обнаружил в языке некоторые «поля» (напр., указат. поле личных местоимений, местоименных наречий и др.), которые ставятся говорящим в соответствие коммуникативной ситуации.

В 1940-х гг. разрабатывалась теория психологии языка [Ф. Кайнц, Э. Рихтер (оба – Австрия) и др.], направленная в осн. на описание психологич. условий употребления языковых средств. Психологич. ориентации на язык в значит. степени придерживался Л. В. [Щерба](#), особенно в первый период своей деятельности; его труды и предложенные им эксперим. методы объективно способствовали эффективности исследования не только системы языка, но и речевой деятельности.

Качественно новый этап в развитии П. н. начался с возникновением в нач. 1950-х гг. [психолингвистики](#). Унаследовав наиболее сильные стороны П. н. (рассмотрение языка в неразрывной связи с говорящим человеком, учёт социальных факторов в формировании и функционировании языка, подчёркивание динамич. природы языка), она выдвинула качественно новые идеи: более широкий предмет исследования, более глубокое понимание социальной природы языка, разработку эксперим. методики и др.

Развиваясь под воздействием психологии, лингвистич. психологизм оказывал и оказывает влияние на [неогумбольдтианство](#), [этнолингвистику](#), совр. [социолингвистику](#), социопсихолингвистику, отчасти на совр. порождающую (генеративную) грамматику (см. [Генеративная лингвистика](#)), где вопросы порождения нередко решаются с учётом психологии (напр., работы У. Чейфа).

Литература

Лит.: Bühler K. Sprachtheorie. Jena, 1934; Steinthal H. Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Prinzipien und ihr Verhältnis zu einander. B., 1855; Потебня А. А. Мысль и язык. СПб., 1862. М., 2010; он же. Из записок по русской грамматике. 2-е изд. М., 2010; Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1; Marty A. Psyche und Sprachstruktur. Bern, [1940]; Kainz F. Psychologie der Sprache. Stuttg., 1941–1969. Bd 1–5; idem. Einführung in die Sprachpsychologie. W., 1946; Arens H. Sprachwissenschaft. Der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. Freiburg, 1955; Шпехт Ф. «Индоевропейское» языкознание от младограмматиков до первой мировой войны // Общее и индоевропейское языкознание. Обзор литературы. М., 1956; Леонтьев А. А. Общелингвистические взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ // Вопросы языкознания. 1959. № 6; он же. Психолингвистика. Л., 1967; Bumann W. Die Sprachtheorie H. Steinthals. Dargestellt im Zusammenhang mit seiner Theorie der Geisteswissenschaft. Mainz, 1965; Белодед А. И. Грамматическая концепция А. А. Потебни в истории отечественного языкознания. М., 1977; Мурзин Л. Н. Логическая и психологическая трактовка синтаксических процессов. (Русское языкознание конца XVIII – начала XX в.). Пермь, 1980.